

СТАРЫЙ НЕМЕЦКИЙ ФОН СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
Харри Вальтер

OLD GERMAN BACKGROUND OF NEW RUSSIAN PHRASEOLOGY
Harry Walter

В статье рассматриваются вопросы славяно-германского фразеологического взаимодействия, а также принципы сопоставления немецкой и русской фразеологии, положенные в основу „(K)Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie“ (Walter, H., Mokienko, V. M. – Greifswald, 2011) – «Книга (не) за семью печатями. Историко-этимологические очерки по немецкой фразеологии».

The paper describes the problems of slavonic-german interaction in the field of phraseology as well as the principles of confrontation of Russian and German phraseological units, described in the dictionary “(K)Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie“ (Walter, H., Mokienko, V. M. – Greifswald, 2011. (No) Book of Seven Seals. Historic-etymological studies in German phraseology“.

Ключевые слова: фразеология, языковые контакты, немецкие корни русских оборотов, русский язык как «консервант» забытых немецких форм.

Keywords: phraseology, language contact, German sources of Russian sayings and phrases, Russian language as “preserving agent” of forgotten German forms.

В комплексе многообразных аспектов изучения европейской фразеологии историко-этимологические исследования до сих пор занимают весьма скромное место. Русистика здесь выгодно отличается от германистики, романистики и т. д., поскольку в последние 40 лет усилия некоторых фразеологов были сосредоточены именно на этой проблематике. Именно при анализе русского материала была создана последовательная и достаточно строгая методика историко-этимологического анализа фразеологических единиц, соизмеримая с младограмматическими и другими методами историко-этимологического анализа и лексикографического описания лексики.

В исследовании проблем славяно-германского фразеологического взаимодействия инициатива принадлежит славистам. Кажется, однако, что для германистики такие исследования имеют не меньшее значение, чем для славистики как по результатам анализа конкретного фразеологического материала, так и по методологии его интерпретации. Особо продуктивным может оказаться использование славистических данных для исторической фразеологии немецкого языка. Во-первых, постоянные и длительные контакты славян и германских народов сделали фразеологические системы многих славянских языков своеобразными "консервантами" старых форм и значений немецкой идиоматики. Во-вторых, индоевропейское языковое родство породило многие общие славяно-германские идиомы, уже имеющие на славянской почве убедительную историко-этимологическую расшифровку. В-третьих, длительные славяно-германские культурные контакты оставили мощный отпечаток в виде идиоматики «крылатого» происхождения (античная культура, мифология, Библия, литература, современный политический дискурс и т. п.), исследование которого в сопоставительном ключе помогает многое уточнить в постижении эволюции общего европейского фонда идиоматики.

Наконец, лингвистическая методика историко-этимологического анализа фразеологии, разработан-

ная на славянском материале (напр., метод структурно-семантического моделирования) может оказаться полезным и при аналогичных германистических ситуациях.

Немецкая же фразеология и паремология, к сожалению, практически не обращается к опыту историко-этимологического описания славянской идиоматики, в современных трудах германистов практически не встречаются параллели из славянских языков, а, что особенно важно, собственно лингвистическая методика историко-этимологического анализа ФЕ, основанная на принципе структурно-семантического моделирования, практически игнорируется. Все это приводит к тому, что даже в объемистых, наполненных массой ярких культурологических и языковых фактов словарях немецкой фразеологии их этимологическое прочтение остается на уровне фольклористики и этнографии, а интерпретация внутренней формы нередко остается нераскрытой. Доминирование этнографических (нередко – "псевдоэтнографических") интерпретаций фразеологических единиц порождает до сих пор этимологическую «всеядность». Не случайно поэтому самыми основательными по объему и материалу до сих пор в Европе остаются историко-этимологические словари пословиц и поговорок, созданные именно этнографами, а не лингвистами. Таков, например, фундаментальный труд Лютца Рёриха [12], без которого невозможно диахроническое исследование ни одной немецкой идиомы. Всё больше фразеологов осознают необходимость взвешенной оценки соотношения собственно лингвистического и экстралингвистического аспектов в диахронической фразеологии. Отсюда – дискуссия о том, является ли историческая фразеология этнографией или лингвистикой, закончившаяся в славистике объективной констатацией возможностей различных подходов при поисках этимона ФЕ: и от лингвистических фактов, и от этнолингвистических.

Наступило, как кажется, время применить этот опыт и для анализа европейской фразеологии. Тем

более, что германистика накопила массу добротного конкретного диалектного, фольклорного, литературного и другого материала, позволяющего с успехом применять диахроническую методику, разработанную славистами. Можно лишь удивляться, что до сих пор этот богатый материал почти не подвергался проверке в сопоставительном ракурсе, особенно славистическом. Единственным исключением, пожалуй, является названный тезаурус Лутца Рёриха "Das große Wörterbuch der sprichwörtlichen Redensarten" [12], в котором даются английские, французские и реже – итальянские и латинские параллели. Славянский же материал и здесь фактически отсутствует.

Как оказалось, немецкая и славянская фразеологии обнаружили намного больше общего, чем обычно считается. Надо констатировать, что большинство немецких справочников по идиоматике исходят из экстралингвистических (этнографических, фольклорных и тому подобных) культурологических факторов. Новизной же нашей работы стала его принципиальная языковая направленность [17]. Исходным объектом описания в нашем словаре является немецкая фразеология идиоматического типа, т. е. обороты, внутренняя форма которых затемнена, непонятна носителям языка: *den Amtsschimmel reiten, wissen, wo Barthel den Most holt, wüten wie ein/die Berserker, keinen/nicht einen Deut, es zieht wie Hechtsuppe, etw. wieder ins [rechte] Lot bringen, sein Scherflein beitragen, den heiligen Ulrich anrufen (rufen), Zicken machen* и др. В словник были включены преимущественно такие устойчивые выражения немецкого языка, которые вызывают острые дискуссии среди фразеологов и культурологов-германистов и являются своеобразной "загадкой сфинкса" для специалистов.

Репрезентативное выявление иноязычных эквивалентов для немецких фразеологизмов заставляет задуматься и над некоторыми общелингвистическими и общекультурологическими проблемами. Одной из них является достаточно парадоксальная картина, имплицитно вырисовывающаяся при обозрении корпуса нашего словаря: немецко-славянские фразеологические параллели оказываются гораздо более многочисленными, стойкими и структурно-семантически системными, чем немецко-английские. Разумеется, это лишь первое впечатление и какие-либо общие выводы здесь преждевременны, однако для славистов данный факт может стать стимулом поисков германизмов в славянской идиоматике, чего до сих пор пока практически не делалось, ибо усилия были сосредоточены прежде всего на германизмах лексических – типа рус. *парикмахерская*, укр. *рахунок*, чеш. *klika* и т. п. Для германистов же насыщенность германо-славянского фразеологического континуума может немало дать в историко-этимологических интерпретациях немецкой идиоматики: во-первых, многие славянские фразеологизмы-кальки стали консервантами старых форм и значений средневековых немецких идиом (ср. др.-чеш. *v dlíhú truhlu klásti*, рус. *положить в долгий ящик* и нем. *etw. auf die lange Bank schieben*).

Немецкая и русская идиоматика, взаимодействуя, продолжают развивать всё новые и новые оттенки

смысла. Но исходная же форма в немецком языке уже не существует, а сохранилась в славянских языках.

Кроме того, немало таких схождений отражают древнее культурологическое (resp. генетическое) взаимодействие германских и славянских языков (ср. рус. *красный петух* и нем. *roter Hahn* 'пожар', отсутствующее в романских языках и отражающее общие мифологические реминисценции); в-третьих, обилие общих немецко-славянских оборотов, образованных по общим структурно-семантическим моделям, дает хороший методологический инструментарий для отбора наиболее вероятной этимологической интерпретации (ср. рус. *пускать пыль в глаза* и нем. *Sand im Augen streuen* – [1, с. 583 – 584]). Разумеется, немалая квота такой общности обусловлена и постоянным прямым культурным, экономическим и политическим взаимодействием Германии и Славии. Большая масса библеизмов, общие мифологические и литературные сюжеты из античности, классическая литература и современные средства массовой информации – всё это внесло весомую лепту в общую фразеологическую сокровищницу славян и немцев. Вот почему, например, даже такой специфический и тесно привязанный к собственно национальной культуре разряд языковых единиц, как немецкие крылатые слова и выражения, обнаруживают достаточно большую близость к аналогичному материалу русского языка.

Типичный пример – фразеологизм *auf die lange Bank schieben* (разг.) – 'оттягивать исполнение какого-л. дела на неопределённое время; медлить, откладывать на потом что-л. неприятное' (букв.: отодвигать на длинную скамью). Русскими эквивалентами являются обороты *отложить (положить, откладывать) в долгий ящик; класть/положить под сукно; разводить (тянуть) канитель; тянуть время; тянуть kota за хвост*.

Немецкое выражение известно уже с 1500 г. Его происхождение связывают со средневековой юридической практикой. Судебные заседатели сидели на длинных скамьях (*lange Bänke* – ср.-в.-нем., др.-в.-нем. *banc* 'скамья', 'стол', первоначально – 'возвышение'), на которых лежали папки с судебными делами. Папки с маловажными делами (особенно дела неимущих обвиняемых или жалобщиков) клали на самую удалённую, свободную часть скамьи [14, с. 78]. В этой связи интересны некоторые исторические факты, приводимые Александром Остеном [15, с. 38]: «Корни этой фразы восходят к старой правовой системе, которая была учреждена в период после введения римского права. С XV в. выражение употребляется в форме *etwas auf die lange Truhe legen* (букв.: класть что-л. на длинный сундук), отражающей медлительную юридическую практику. Сундук был «предшественником» сегодняшних шкафов для хранения документов и мог, как и они, превратиться в «кладбище бумаг». Процессы в верховном суде Римской империи тянулись бесконечно долго, иногда по несколько десятилетий. Возможно, позднее произошла контаминация слов *Bahn* (путь) и *Bank* (скамья), что усилило образное представление о длительной судебной процедуре как об очень длинной скамье. С XVII в. выражение

закрепилось в его современной форме» (перевод – Х. В.).

Л. Рёрих описывает образование оборота следующим образом: «Нельзя исключить, что скамья употреблялась вместо сундука (*Truhe*), который, как предшественник шкафа для хранения бумаг, вмещал в себя все документы, предназначенные для хранения. Первое описание судебного процесса, в котором фигурирует наше выражение, даёт княгиня Анна Бранденбургская: “Kombt it herauß, so underwindt sich der vater, euer sach zu treiben, damit sie zu einem end kombt ... sußt wurd es dortinnen in die langen truchen gespilt” (Оказывается, как свидетельствует отец, надо ускорить движение судебного процесса, чтобы он был завершён, иначе же его унесёт поток в долгий сундук. Steinhausen, Privatbriefe des Mittelalters I, 233). Слово *Truhe* здесь означало и сундук, и судебную скамью, внутри которой хранили папки с делами. Близко к этому и употребление оборота Лютером: “Laßt der armen leüt hendel nit jar und tag in der langen truchen ligen zu irem mercklichem verderben” (Давайте споры между богатыми и бедными отложим в длинные сундуки до тех пор, пока они там окончательно не сгниют)» [12; 1, с. 140 и сл.]. Для полного понимания оборота следует добавить, что во время вынесения приговоров заседатели обязаны были сидеть на лавках-сундуках в соответствии с определённым порядком и чиновничьей иерархией. Судья же обычно восседал в кресле. Отсюда различные названия таких лавок: *banke bidden*, *Schöpffenbank* (скамья народных заседателей), *banca scabinorum*. Обычно имеются в виду четыре скамьи, которые соответствуют чину заседателей: „klagen binnen ver benken“ (Бременский Статут); „binnen die vier benke“ (Gaupp: *Das alte magdeburgische und hallische Recht* [1826], 281).

По римскому праву слушание судебного дела нельзя было проводить до восхода солнца, а приговор необходимо было выносить и исполнять до его заката. Если приговор в указанное время не выносили, то процесс отменялся, что приводило к длительным отсрочкам. В знак того, что судебный процесс остался незавершённым, в судебном зале переворачивали стулья и скамьи, чтобы показать незаконченность судебных дел: «Und man warf allenthalben stuel und benk ein, damit nichts aus der sach werde» [12; 1, с. 140 и сл.]. Постепенно выражение стали употреблять в обобщённом смысле – ‘тянуть, затягивать процесс’. Старое немецкое выражение вместе с распространением в Европе судопроизводства по римскому образцу было заимствовано многими европейскими языками, в том числе и славянскими, напр.: рус. отложить (положить, откладывать) в долгий ящик; бел. адкладаць (адкладываць) у доўгі яшчык; укр. видкладати/ видкласти у (в) довгий ящик (на дно довгого ящика); видкладати/ видкласти у довгу шухляду.

Историю русского выражения большинство русистов не связывают с немецким. Традиционно, начиная с В. И. Даля, оборот возводят к обычаю, заведённому царём Алексеем Михайловичем (1629 – 1676) в его подмосковной резиденции в Коломенском. Перед царским дворцом был прибит длинный ящик, куда могли опускать челобитные, т. е. просьбы, все, кто

хотел. Разбирались такие прошения царскими боярами и думскими дьяками, которые не слишком торопились это делать. Большинство челобитных вообще оставались без ответа. Полное структурное и семантическое тождество с устаревшим немецким *etw. in die lange Truhe legen*, однако, опровергает «исконно русское» происхождение фразеологизма отложить в долгий ящик и свидетельствует о том, что он – калька с немецкого. Во-первых, как мы видели, немецкий оборот гораздо древнее, чем период царствования Алексея Михайловича. Во-вторых, как калька с немецкого, он известен и в др.-чеш. *v dlúhú truhlu klásti*. В-третьих, выражение до сих пор сохраняет прямые коннотации с бюрократической волокитой, восходящей к немецкому судопроизводству [1, с. 653].

В немецком языке выражение *etw. in die lange Truhe legen* стало устаревшим уже в XIX в. и употребляется в варианте *etw. auf die lange Bank schieben*. В русском же языке оно законсервировалось в том же образном виде, в каком было актуально в немецком средневековье. Более того, слово ящик, которым было переведено нем. *Truhe*, у русских вызывало ассоциации не только с ящиком для челобитных, но и... с гробом. У некоторых писателей первой половины XIX в. (П. А. Вяземского, А. А. Бестужева-Марлинского) выражение значило ‘похоронить кого-, что-л.’ Ср. также обороты типа сыграть в ящик [6, с. 103 – 106]. Так, немецкая и русская идиоматика, взаимодействуя, продолжают развивать всё новые и новые оттенки смысла. В европейских языках то же значение выражается и иными, более современными, образными характеристиками – ср. укр. *видкладати/ видкласти у довгу шухляду*; пол. *odłożyć na półkę, odłożyć na potem (później)*; англ. *to put smth. off* [17, с. 51 – 53].

Третий пример «старых» немецких оборотов – это выражение (получить, раздобыть, купить, сделать что и т. п.) *по благу*. Слово *блат* и соответствующее выражение имеют разные этимологические расщипровки [1, с. 73]. По мнению некоторых – особенно русских филологов оно создано уже в эпоху Петра I и связано с насильственным пострижением боярских бород по указу царя. Кто имел деньги и хотел откупиться от этого “срама”, тот якобы включался в особый список, по-голландски именовавшемся “*блат*” (ср. нем. *Blatt* – ‘лист бумаги’). После революции 1917 г., когда голод стал доминировать в стране, эта “традиция” была возрождена: М. Горький, напр., носил В. И. Ленину списки лиц, которых хотел в виде исключения спасти “для русской культуры”, и вождь приказал наркому снабжения Цюрюпе “срочно изыскать дополнительные пайки для товарищей, указанных в списке Горького”.

Такая трактовка, однако, скорее всего – народная этимология, поскольку не находит материального подтверждения: лингвисты и лексикографы отмечают экспансию слова *блат* с производными и выражения *по благу* лишь на рубеже XX века, причем – в стабильной связи с воровским арго. При этом, единодушно ставя такой диагноз, ученые расходятся в трактовке исходного семантического “толчка”, приведшего к образованию переносного значения и выражения *по благу*.

Слово *блат* многозначно, причем одной из первых его фиксаций (точнее, производного *блатные*) является очерк А. И. Куприна "Вор" (1905 г.), где оно обозначало 'пособничество, покровительство преступникам'. В словарях арготического языка [9 и др.] оно характеризует 'всякое преступление, какого бы рода оно не было: кража, убийство, грабеж' или даже является «общим названием всего преступного, имеющего отношение к воровской среде». В. Ф. Трахтенберг считал, что слово *блат* "происходит от немецкого *Blatt* – 'лист' (открытый лист, сопровождающий арестанта, и в котором вписано совершенное им преступление), либо искаженное *Blut* – 'кровь' [10, с. 8]. В языке немецких мазуриков *Blatt* – 'укрыватель краденого', нем. *platt* – 'доверенный, подружившийся'. По мнению В. В. Стратена (со ссылкой на немецких и польских ученых), термин *блатной* "перешел через польское арготическое из немецкого", где есть однокоренные слова *platt* 'доверенный, дружеский', *Blatter* 'вор', евр. *blat* 'доверенный, согласный на что-л.' [8, с. 44]. Эта гипотеза развивается Б. А. Лариным в 1931 г., подчеркнувшим, что слова *блат*, *блатной* 'преступный, преступник' связаны со старым европейским воровским арготическим: польск. *blat*, *blatny*; нем. *platt* 'свой, заслуживающий доверия'; *platten* 'говорить' и *Blatte* 'воровское арготическое' [3, с. 320]. Убедительно показывает Герд Хентшель [13, с. 87 – 117], как все это произошло, каким путём из идиша и немецкого *блат* смог попасть и в русский. Интересно, что в немецком такого выражения сегодня нет. Им, как и многими другими, принимается расшифровка слова *blat* из идиша как 'посвященный' или 'близкий': сначала оно перешло в польский язык, где *blatt* значит 'мошеник, укрывающий по знакомству, укрыватель' или 'взятка', а оттуда – в русское воровское арготическое, где стало означать 'преступление', а в сочетании *по блату* – 'незаконным образом', т. е. "как у *блатных*" [15; 1, с. 91]. Поскольку в словарях современного польского языка названное слово не зафиксировано, нельзя отрицать и прямую возможность перехода немецкого арготического термина в русское арготическое.

Таких примеров масса, особенно в жаргоне, напр., *на цугундер [притянуть]*, *цирлих-манирлих*, *попадать / попасть в цейтнот*, смотреть сквозь пальцы *на кого, что*. И даже выражение вроде бы из «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина (1835) *золотая рыбка*, кото-

рое пришло с территории немецкого Поморья, из Мекленбурга и Передней Померании, где до XVII века еще жило славянское население – *венды (венеты, винды)*, близкие по языку и культуре современным полякам и кашубам. Как убедительно показывает Валерий Михайлович Мокиенко, ее записал в городе Волгаст (недалеко от моего старинного университетского города Грайфсвальд) один из основателей немецкого романтизма художник Филипп Отто Рунге (1777 – 1810). Записанная им сказка о рыбаке и его жене (*Von den Fischer un siine Fru und Van den Machandelboom*) принадлежит к одной из старейших записей этого фольклорного сюжета. Сказка эта вдохновила не только фольклористов, но и некоторых европейских писателей на ее вольное переложение. Среди них был и А. С. Пушкин. Время написания сказки русским поэтом и его известное увлечение европейским «романтическим» фольклором как будто также подтверждают такой путь померанской сказки к русскому читателю [5, с. 3 – 15].

Для германистов насыщенность германо-славянского фразеологического континуума может немало дать в историко-этимологических интерпретациях немецкой идиоматики: во-первых, многие славянские фразеологизмы-кальки стали консервантами старых форм и значений средневековых немецких идиом; во-вторых, немало таких сходжений отражают древнее культурологическое (resp. генетическое) взаимодействие германских и славянских языков (ср. рус. *красный нетух* и нем. *roter Hahn* 'пожар', отсутствующее в романских языках и отражающее общие мифологические реминисценции); в-третьих, обилие общих немецко-славянских оборотов, образованных по общим структурно-семантическим моделям, дает хороший методологический инструментарий для отбора наиболее вероятной этимологической интерпретации. Разумеется, немалая квота такой общности обусловлена и постоянным прямым культурным, экономическим и политическим взаимодействием Германии и Славии.

Историку немецкой фразеологии такой материал открывает обширное поле реконструкций внутренней и внешней формы многих современных оборотов. Рассмотрение таких фактов под микроскопом славянских языков, как кажется, немало может дать исторической фразеологии немецкого и славянских языков.

Литература

1. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; СПбГУ: межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина / под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М.: Художественная литература, 1957. – 992 с.
3. Ларин, Б. А. Западноевропейские элементы русского воровского арготического / Б. А. Ларин // Б. А. Ларин. Филологическое наследие: сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – С. 314 – 326. (Переизд. статьи из: Язык и литература. Т. 7. – Л., 1931).
4. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Даведчае выдфана / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2004. – 448 с.
5. Мокиенко, В. М. Пушкинская *золотая рыбка* до и после Пушкина / В. М. Мокиенко // Пушкин. Альманах / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск: МаГУ, 2002. – Вып. 3.
6. Николаева, Е. К. «Долгий ящик» А. А. Бестужева-Марлинского / Е. К. Николаева, С. И. Николаев // Русская речь. – 1999. – № 6. – С. 103 – 106.

7. Поливанов, Е. Д. Стук по блату / Е. Д. Поливанов // За марксистское языкознание. – М.: Федерация, 1931. – С. 152 – 160.
8. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н. И. Толстого. – Т. 1: А-Г. – М.: Институт славяноведения РАН, 1995. – 584 с.
9. Стратен, В. В. Об арго и аргоизмах / В. В. Стратен // Русский язык в советской школе. – 1931. – № 5. – С. 39 – 54.
10. Трахтенберг, В. Ф. Блатная музыка (жаргон тюрьмы) / В. Ф. Трахтенберг, И. А. Бодуэн де Куртенэ (ред., предисл.). – СПб., 1908.
11. Mokienko, V. M. Prinzipien einer historisch-etymologischen Analyse der Phraseologie / V. M. Mokienko // Wer A sägt, muss auch B sägen. Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis / Hrsg. von Dietrich Hartmann und Jan Wirrer (= Phraseologie und Parömiologie. Hrsg. von W. Eismann, Peter Grzybek, W. Mieder. Bd. 9). – Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2003. – С. 231 – 254.
12. Röhrich, L. Das große Wörterbuch der sprichwörtlichen Redensarten / L. Röhrich. Bd. 1 – 5. – Freiburg-Basel-Wien: Herder, 2001. – 1910 s.
13. Hentschel, G. Zur Komplexität deutsch-"jiddisch"-slavischer Lehnkontakte: Über ein deutsches oder auch nicht-deutsches Lehnwort im Polnischen und Russischen: *blat* / G. Hentschel // Kłańska, M. & P. Wiesinger (Hrsg.): Vielfalt der Sprachen. Festschrift Aleksander Szulc zum 75. Geburtstag. – Wien: Praesens, 1999.
14. Küpper, H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. 1. Aufl. 1987. 5. Nachdr. – Stuttgart; Dresden: Klett, 1993. – 959 s.
15. Osten, A. Das große Buch der Redewendungen / A. Osten. – Wien: Tosa, 1997. – 435 s.
16. Vasmer, M. Russisches etymologisches Wörterbuch / M. Vasmer. – Erster Band: A-K. – Heidelberg, 1976. – XLVII. – 712 s.
17. Walter, H. (K)Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie / H. Walter, V. M. Mokienko. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2011. – 460 s.

Информация об авторе:

Харри Вальтер – профессор, доктор философских наук, старший научный сотрудник. Институт филологии современных иностранных языков, славистика, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальд, Германия; почетный доктор Санкт-Петербургского государственного университета, почетный профессор ун-та им. Некрасова, г. Кострома, +49-3835-863210, walter@uni-greifswald.de.

Harry Walter – Prof. Dr. Dr. h.c., Senior researcher at the Institute of Philology of Modern Foreign Languages, Slavistics. Ernst-Moritz-Arndt-University of Greifswald, Germany. Doctor Honoris Causa of Saint Petersburg State University. Professor Honoris Causa of Nekrasov University, Kostroma, Russia.